Ф. К[illegible]

Карманная школа

УЖГОРОД 1962

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В этой книжке Грамматика, Математика и Физика расскажут о жизни. Они поделятся с вами огромным жизненным опытом, потому что ведь грамматика, математика и физика — очень древние предметы, они многое знают, хотя не обо всем говорят. Они расскажут о Безличном Глаголе, который считает себя важной личностью, об атамане разбойников кровожадном Минусе, который у всех все отнимает, о Белой Тучке, которая выплакала себя, потому что связалась с легкомысленным Ветром. Может быть, с точки зрения школьной науки книжка не без ошибок, но пусть не судят ее строго специалисты: ведь это не настоящая, а всего лишь карманная школа.

Окончив «Карманную школу» вы сможете продолжить свое образование в книгах «Несерьезные Архимеды», «Гиацинтовые острова», «Ученые сказки» и «Божественные истории».

- Феликс Кривин
  - ЗНАКОМСТВО С ГРАММАТИКОЙ
  - СТРАДАТЕЛЬНОЕ ПРИЧАСТИЕ
  - СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА
  - ПОЛУГЛАСНЫЙ
  - УДАРНЫЕ И БЕЗУДАРНЫЕ
  - НОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ
  - ИНФИНИТИВ
  - ПРЕДЛОГ
  - ИНОСТРАННОЕ СЛОВО
  - ЧЕРТОЧКА
  - ВОСКЛИЦАНИЕ
  - ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ
  - БЕЗЛИЧНЫЙ ГЛАГОЛ
  - КОРЕНЬ
  - СКОБКИ
  - БЕГЛОЕ Е
  - ЧАСТИЦЫ И СОЮЗЫ
  - ТРИ ТОЧКИ
  - ОШИБКА
  - ПОДСОЛНУХ
  - НОЛЬ
  - ТОЧКА НА ПЛОСКОСТИ
  - ПРОСТАЯ ДРОБЬ
  - БИССЕКТРИСА
  - УРАВНЕНИЕ С ОДНИМ НЕИЗВЕСТНЫМ

- ТРЕУГОЛЬНИК
- ПРОИЗВЕДЕНИЕ
- ФИГУРА
- ЗНАКИ
- ВЕЛИЧИНА
- КОСТЕР В ЛЕСУ
- ГРОМ И МОЛНИЯ
- РАБОТА
- О ТРЕНИИ
- ВНУТРЕННЕЕ СГОРАНИЕ
- ИСТОЧНИК ЗВУКА
- ГРОЗА
- БЕЛАЯ ТУЧКА
- ВРЕМЯ

КАРМАННАЯ ШКОЛА

Феликс Кривин
Карманная школа

ЗНАКОМСТВО С ГРАММАТИКОЙ

Я познакомился с ней много лет назад, совершая свое первое путешествие по морям и континентам Знаний. Это, пожалуй, единственное путешествие, в которое отправляются все, даже самые закоренелые домоседы. Не все, правда, уходят далеко, многие ограничиваются ближайшими портами, но никто не остается на берегу.

Отправился я в плаванье вместе с веселой ватагой моих ровесников, которые теперь давно уже стали взрослыми людьми, бывалыми мореходами, открывшими немало прекрасных стран. Математика, Ботаника, Физика, История… Что из того, что эти страны были открыты задолго до нас? Мы впервые открыли их для себя, а значит, тоже были их открывателями.

После утомительного странствования по Алфавитным островам и долгой стоянки в порту Чистописания мы прибыли в большую страну, которой правила принцесса Грамматика.

Хорошо помню свой первый визит во дворец. Они вышли мне навстречу: принцесса и пара графов Параграфов, находящихся при ней неотлучно. Принцесса осведомилась о моих успехах, а затем спросила, с какими из ее Параграфов я успел познакомиться. Услышав, что я не знаю ни одного, она хлопнула в ладоши, и в ту же минуту огромный зал дворца стали заполнять Параграфы. Их было много, наверное несколько сот, и прибыли они из разных провинций: из Морфологии, Фонетики, Синтаксиса…

— Знакомьтесь, — сказала Грамматика, представляй меня Параграфам, и удалилась в свои покои.

Стал я знакомиться с Параграфами. Боже, до чего это был скучный, унылый народ! Каждый из них знал только свое правило и больше ничего знать не хотел.

— Я вам должен сказать, — говорил мне один Параграф, — что переносить нужно только по слогам.

— Я бы не рекомендовал вам ставить мягкий знак после приставки, — степенно вступал в разговор другой.

Параграф.

— И вот еще, — развивал свою мысль третий Параграф, — вводные слова выделяйте, пожалуйста, запятыми.

Этому знакомству, казалось, не будет конца. Я уже совсем не слушал, что говорили мне Параграфы, и когда Грамматика, вторично приняв меня, опять спросила о них, — ничего не смог ей ответить.

Принцесса хлопнула в ладоши, и в дверях появилась высокая

строгая Единица.

— Проводите его к Параграфам, — приказала ей Грамматика.

И опять начались бесконечные нудные разговоры. Каждый день Единица приводила меня к Параграфам, потом Единицу сменила Двойка, за ней Тройка… Постепенно я все лучше узнавал Параграфы и даже стал привыкать к ним. Мне уже не казались скучными их правила, а примеры, которые они приводили, были просто интересны. И когда я узнал, в каких случаях ставится запятая перед союзом «как», Грамматика вызвала меня и сказала:

— Теперь ты знаешь все мои Параграфы, и я не стану больше тебя задерживать. Пятерка проводит тебя…

— А нельзя ли мне остаться? — спросил я.

— Нет, нельзя, — ответила принцесса. — Тебя ждут другие страны. Но ты постарайся не забывать обо мне…

— Никогда! — воскликнул я. — Никогда не забуду!

— Как знать, — грустно сказала Грамматика. — Многие меня забывают.

С тех пор прошло много лет. Где я только не побывал за это время! Но я не забыл тебя, принцесса Грамматика! И чтобы ты поверила в это, я написал о тебе и о твоем сказочном королевстве.

СТРАДАТЕЛЬНОЕ ПРИЧАСТИЕ

Всеми обиженное, всеми униженное, никем не привеченное, почти не замеченное — бедное, бедное Страдательное Причастие! Теперь оно Причастие прошедшего времени и все у него в прошлом. А ведь было время…

Это и многое другое расскажет вам Страдательное Причастие, если вы внимательно прислушаетесь к нему. Это и многое другое оно рассказывает Существительному, которое находится при нем в качестве его дополнения.

— Ах, не говорите, не говорите! — говорит Страдательное Причастие Существительному, которое вообще ничего не говорит. — Одни страдания!

Существительное пробует кивнуть, но Причастие не позволяет ему даже этого.

— Не говорите, не говорите! — развивает оно свою мысль. — Самое дорогое, что у меня есть, это два Н в суффиксе. И вот, стоит мне появиться в тексте без При ставки или хотя бы без Пояснительного Слова, как я сразу теряю одно Н. Но ведь иногда хочется побыть и одному. Разве это жизнь, скажите? Нет, нет, не говори те, не говорите…

Существительное стоит перед Причастием в винительном падеже, словно это оно виновато, что у Причастия все так неудачно складывается. А Причастие продолжает:

— И главное, никакого просвета, никаких надежд…

Даже будущего времени у нашего брата, причастия, не бывает. А как прикажете жить без будущего?

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

Были же сомнения, были же мечты, но были же «и надежды, что сомнения развеются, а мечты осуществятся!

Были же…

БЫ, ЛИ, ЖЕ… Три маленькие частицы, в которых все это выразилось с наибольшей силой.

Это не просто служебные слова. Их нельзя смешивать с какими-то КОЕ или НИБУДЬ, которые примазываются к членам предложения, держатся за них своей черточкой.

Частицы БЫ, ЛИ, ЖЕ не таковы. Несмотря на свое служебное положение, они вполне самостоятельны и пишутся отдельно от других слов — это нужно всегда твердо помнить!

Каждая из них занята своим делом в предложении, старается подчеркнуть главную мысль, чтобы она всем стала понятной. А в неслужебное время… О, о чем только не говорят в неслужебное время служебные слова! Этого вы никогда не прочтете в их тексте.

— Если бы у меня было не две, а хотя бы три буквы, — говорит частица БЫ, — я бы такое сказала!

Ах, эта частица БЫ, какая она мечтательница! Вечно ей хочется того, чего нет.

— Вряд ли, — возражает ей частица ЛИ, верная своей привычке во всем сомневаться. — Да и нужна ли тебе лишняя буква?

— Это же пустой разговор, — останавливает их ча стица ЖЕ, привыкшая реально смотреть на вещи. — Тебе же вполне хватает двух букв, больше тебе не по ложено по правописанию.

Но частицу БЫ трудно остановить.

— Если бы я была Подлежащим, — вдруг заявляет она, — я бы навела порядок в этом тексте.

— Ой ли! Тебе ли наводить в тексте порядок?

— Да перестаньте же! У нас же и так порядок. Этот порядок установлен грамматикой.

Так спорят в свободное время эти частицы. Хотя все они служебные слова, но у каждой свой характер, поэтому ведут они себя в тексте по-разному.

БЫ — мечтает.

ЛИ — сомневается.

ЖЕ — утверждает.

И попробуйте прожить хоть без одной из этих частиц! Не проживете!

Попробуйте ни в чем не сомневаться.

Попробуйте ничего не утверждать.
Попробуйте ни о чем не мечтать.
Сможете прожить?
Не сможете!

ПОЛУГЛАСНЫЙ

А было это вот как. Собрались гласные буквы и стали распределять между собой обязанности. Букве О достался широкий, открытый звук; букве И — тонкий, короткий; букве У — трубный, протяжный. Остальные гласные тоже получили по звуку.

Один Йот стоял в стороне. «Для чего мне звуки? — размышлял он, слушая, как гласные совещаются. — Лучше жить тихо, безгласно. Это всегда спокойнее».

Спохватились гласные, что Йоту никакого звука не досталось. А ведь он тоже имеет какой-то голос. Что делать?

— Знаешь что? — говорят ему. — Сходи-ка ты к согласным. У них звуков больше, может, и на твою долю хватит.

Подумал Йот, зевнул. Потом еще зевнул и еще подумал.

— А мне, — говорит, — эти звуки вроде и ни к чему. У меня своих нагрузок хватает.

— Как же ты будешь жить без звука?. — недоумевают гласные.

— А что, разве нельзя?

— Может, и можно, да неудобно как-то. Лучше ты все-таки сходи к согласным, авось что-нибудь и достанется.

Поколебался Йот, поколебался, а потом смекнул, что у согласных поменьше работы будет да и голоса особого не требуется, и говорит:

— Я согласный!

— Какой тебе звук? — спрашивают у него согласные. — Заднеязычный, переднеязычный или, может, шипящий?

Стоит Йот, раздумывает.

Взять заднеязычный — так кому охота быть сзади? Переднеязычный взять — тоже хорошего мало: передним всегда больше всего попадает. А шипящий взять — будешь шипеть, наживешь врагов. Нет, лучше уж ничего не брать.

Так Йот решил и сказал:

— Все эти звуки — мне ни к чему. Я не согласный.

Ну, не согласный так не согласный, решили согласные буквы. Насильно быть согласным не заставишь.

— До свиданья, — говорят, — коли так. Ищи себе работу по нраву.

Без работы в алфавите не проживешь. Время ятей да ижиц, которые за счет чужих звуков жили, давно прошло. Ходит Йот, ищет, где бы пристроиться. А кто его возьмет? Он и не гласный, и не согласный, нет у Йота определенной профессии.

С трудом перебивается Йот на подсобных работах. Там слог

замкнет, там гласному А поможет в Я превратиться, а чтоб постоянное что-нибудь, самостоятельное — этого нет.

Трудно Йоту, хоть криком кричи. Может, он и кричит, да разве его услышишь? Очень слабенький голос у Полугласного…

УДАРНЫЕ И БЕЗУДАРНЫЕ

Здравствуйте!

— Извините, я не А, я О. — О, значит, тезка! А голос у тебя совсем как у А.

— Стань на мое место, тогда посмотрим, какой у те бя будет голос.

— Что же у тебя за место такое?

— Периферия. Ты вот в центре, тебе все внимание, а обо мне кто помнит?

Разговор происходит в слове между двумя гласными: Ударным О и О Безударным.

— Конечно, — жалуется Безударный, — слог у меня не тот. В твоем положении легко звучать. Я бы на твоем месте еще не так звучал!

— Но ведь я под ударением, — напоминает Ударный. — Стань под ударение — и звучи. Кто тебе мешает?

Безударный произносит какой-то звук, больше напоминающий А, чем О, и умолкает.

— Так договорились? — не унимается Ударный. — Ты станешь ударным, я — безударным…

Молчит Безударный. Хмурится. Ему не хочется отвечать. Ему не хочется меняться. Кому охота ставить себя под удар?

НОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Пришла РАБОТА к ЧЕЛОВЕКУ и говорит:

— Я пришла к тебе как Существительное к Существительному. Хотя значение у нас разное, но грамматически мы довольно близки, поэтому я рассчитываю на твою помощь.

— Ладно, — сказал ЧЕЛОВЕК, — можешь не распространяться. Выкладывай, что там у тебя.

— Есть у меня сынок, — говорит РАБОТА, — способный, дельный парнишка. Не хотелось бы, чтобы он, как мать, остался неодушевленным.

— Какая же ты неодушевленная? — возразил ЧЕЛОВЕК. — Разве может быть неодушевленной работа.

— Ты забываешь, что мы не в жизни, а только в грамматике. А в грамматике много несоответствий. Здесь «жареный цыпленок» — одушевленный, а «стадо коров» — неодушевленное…

— Да, да, прости, я забыл.

— Так вот, я и подумала, не возьмешь ли ты моего сынка на выучку? Поработает у тебя Прилагательным, в Существительное выйдет, а там, глядишь, воодушевится…

— А как зовут сынка-то?

— РАБОЧИЙ.

— Ну что ж, имя подходящее. Пусть выходит завтра на работу.

И вот появился в тексте рядом со словом ЧЕЛОВЕК его ученик — РАБОЧИЙ.

РАБОЧИЙ ЧЕЛОВЕК… Очень хорошее сочетание.

— Ты следи за мной, — говорит ЧЕЛОВЕК ученику. — Во всем со мной согласуйся… Пока ты Прилагательное, это необходимо.

Старается ученик, согласуется. А ЧЕЛОВЕК его поучает:

— Существительным, брат, стать не просто. В особенности одушевленным. Здесь не только род, число, падеж усвоить нужно. Главное — значение. Вот знаешь ты, что значит — ЧЕЛОВЕК?

— Откуда мне знать? — вздыхает ученик. — Я ж еще не учился.

Но со временем он разобрался во всем. Верно говорила РАБОТА, что у нее способный, дельный сынок.

Увидев, что ученик усвоил его науку, ЧЕЛОВЕК сказал ему:

— Ну вот и стал ты одушевленным Существительным, как говорят, вышел в люди. Теперь можешь работать самостоятельно — каждому будет ясно твое значение.

Так появилось в тексте новое Существительное.

РАБОЧИЙ…

Это не просто мужской род, единственное число, именительный падеж. Тут, как говорил ЧЕЛОВЕК, значение — самое главное.

ИНФИНИТИВ

Слово берет Инфинитив:

— Эх вы, разве так надо спрягаться? Я б вам показал, жаль, что у меня нет времени!

— Время мы найдем. Какое тебе, настоящее или прошедшее?

— Лучше будущее, — говорит Инфинитив, чтобы хоть немного оттянуть время. — Да не забудьте про Вспомогательный Глагол!

Дали ему Вспомогательный Глагол.

Спрягается Вспомогательный — только окончания мелькают. А Инфинитив и буквой не пошевелит.

Зачем ему шевелить, зачем ему самому спрягаться? Он Инфинитив, у него нет времени.

ПРЕДЛОГ

Опасаясь, что его возьмут в оборот, Деепричастие БЛАГОДАРЯ старалось поменьше высказываться. Этот страх перед деепричастным оборотом дошел до того, что оно боялось отвечать даже на самые простые вопросы.

Больше того: у него появилась какая-то робость перед другими словами, даже теми, которые были Деепричастию подчинены. Оно заботилось лишь о том, чтобы ни с кем не испортить отношений, а потому каждому старалось угодить, перед каждым рассыпалось в благодарностях.

Непонятно, почему Деепричастие БЛАГОДАРЯ так тревожилось за свою судьбу. В тексте оно по-прежнему оставалось полноправным, хотя и второстепенным членом предложения и даже управляло другими словами. И все же какая-то настороженность не покидала его.

Подчиненные Деепричастию слова за глаза посмеивались над ним, и положение спасало лишь то, что главные члены предложения отделились запятой и не могли видеть, что творится у них на периферии.

Но когда в тексте появилась фраза: «Благодаря допущенной ошибке снижена оценка», — всем сразу стало ясно, что Деепричастие не на месте. Даже сама ОШИБКА понимала, что ее не за что благодарить. Это и решило судьбу Деепричастия. Его исключили из членов предложения и перевели на должность служебного слова.

Слово БЛАГОДАРЯ стало Предлогом и вместе с тем поводом для того, чтобы пересмотреть грамматический состав и вывести из членов предложения многие слова, которые давно утратили самостоятельное значение.

ИНОСТРАННОЕ СЛОВО

В словарь русского языка прибыло Иностранное Слово.

Наш язык всегда поддерживал дружеские отношения с другими языками, поэтому Иностранное Слово встретили очень любезно и, поскольку оно оказалось Существительным, предложили ему на выбор любое склонение.

— Только сначала нужно выяснить, какого вы рода, — объяснили ему.

— Пардон, — сказало Иностранное Слово. — Я изъездило столько стран, что давно позабыло свой род.

— Но как же вы тогда будете склоняться? — стали в тупик все Параграфы.

— Склоняться? Перед кем склоняться?

— Ни перед кем. У нас это обычное правило вежливости. Существительные склоняются в знак уважения к другим словам, с которыми они встречаются в тексте, а также в знак признания Единых Правил Грамматики.

— Мерси, — сказало Иностранное Слово, — я хоть и безродно, но не привыкло склоняться. Это не в моих правилах.

— Тогда мы не сможем вас принять, — сказали Иностранному Слову Существительные Первого Склонения.

— И мы не сможем, — сказали Существительные Второго Склонения.

Существительные Третьего Склонения ничего не сказали. Они были очень мягки, потому что все принадлежали к женскому роду. Но их вид достаточно красноречиво говорил, что и они отказываются от Иностранного Слова.

— В таком случае вы не сможете принять наше гражданство, — предупредил Иностранное Слово строгий Параграф, — Придется вам быть лицом без гражданства.

— О'кэй! — обрадовалось Иностранное Слово. — Для меня это самое лучшее. Я презираю любое гражданство, поскольку оно ограничивает свободу Слова.

Так Иностранное Слово поселилось в нашем языке в качестве несклоняемого.

Но не может слово жить в тексте без общения с другими словами. Иностранному Слову захотелось поближе познакомиться с глаголами, прилагательными, частицами. И, узнав их, Иностранное Слово очень быстро убедилось, какие это простые, отзывчивые, культурные слова.

Ради него спрягались глаголы, с ним согласовались местоимения, ему служили предлоги я другие служебные слова.

Это было так приятно, что Иностранному Слову захотелось склоняться перед ними.

Постепенно оно переняло культуру нашей речи.

В русском языке Иностранное Слово нашло свой род и оценило его понастоящему. Здесь оно обрело родину, как и другие иностранные слова — Прогресс. Гуманность, Космос, — которые давно уже стали в русском языке полноправными гражданами.

Такими же полноправными, как наши родные слова — Наука, Мечта, Справедливость.

ЧЕРТОЧКА

Маленькая Черточка знала свое дело. Она с большим искусством разделяла самые сложные слова, присоединяла нераспространенные приложения, даже принимала участие в образовании некоторых частей речи. Чего только не перенесла Черточка на своем веку — и ни разу не нарушила правил переноса.

Но не бывает же так, чтобы хороший работник долго оставался на своем месте. Однажды Черточку вызвали и сказали:

— Думаем перевести вас на место Тире. Там больше простора, сможете развернуться…

— Но я не справлюсь, — замялась Черточка.

— Ничего, справитесь. В случае чего поможем.

И поставили Черточку на место Тире — между двумя Дополнениями. А Дополнения эти как раз противопоставляли себя друг другу и поэтому держались на некотором расстоянии. Пока между ними стояло Тире, это им удавалось, но когда появилась Черточка, она первым делом постаралась их сблизить.

Что тут началось!

— Отодвиньтесь! — кричало первое Дополнение своему соседу. — Между нами не может быть ничего общего!

— Сами отодвиньтесь! — парировало второе Дополнение. — Я вас и видеть не желаю.

— Остановитесь, остановитесь! — умоляла их Черточка. — Не нужно ссориться!

Но ее прижали, и больше она ничего не могла сказать.

А Дополнения так разошлись, что на них обратило внимание само Сказуемое, у которого они находились в непосредственном подчинении.

— Прекратите безобразничать! — прикрикнуло на них Сказуемое. — Что тут между вами происходит?

Дополнения сразу притихли. Они понимали, что со Сказуемым шутить не приходится.

— Между нами… — заикнулось первое Дополнение.

— Между нами… — заикнулось второе.

— Между нами какая-то Черточка…

— А должно быть Тире…

Только теперь Сказуемое заметило Черточку.

— Как вы сюда попали?

— Я здесь работаю. Меня сюда перевели, чтобы я развернулась…

— Вы не можете здесь развернуться, — объяснило

Сказуемое. — У вас для этого нет данных.

— У меня нет данных? Посмотрели бы вы, какие я слова соединяла!

Шумит Черточка, скандалит, не поймешь, что с ней произошло. Такая была скромная Черточка, такая воспитанная и с работой справлялась неплохо… А вот назначили ее на место Тире…

Да, конечно, это была ошибка.

ВОСКЛИЦАНИЕ

Повстречались на листе бумаги Ноль с Восклицательным Знаком. Познакомились, разговорились.

— У меня большие неприятности, — сказал Ноль. — Я потерял свою палочку. Представляете положение: Ноль и без палочки.

— Ах! — воскликнул Восклицательный Знак. — Это ужасно!

— Мне очень трудно, — продолжал Ноль. — У меня такая умственная работа… При моем научном и жизнен ном багаже без палочки никак не обойтись.

— Ох! — воскликнул Восклицательный Знак. — Это действительно ужасно!

— И как я появлюсь в обществе? Со мною просто не станут считаться…

— Эх! — воскликнул Восклицательный Знак и боль ше не нашел, что воскликнуть.

Вы меня понимаете, — сказал Ноль. — Вы пер вый, кто отнесся ко мне с настоящим чувством. И знае те, что я подумал? Давайте работать вместе. У вас и палочка внушительнее, чем моя прежняя, да и точка есть… про всякий случай.

— Ах! — воскликнул Восклицательный Знак. — Это чудесно!

— Мы с вами прекрасно сработаемся, — продолжал Ноль. — У меня содержание, у вас чувство. Что может быть лучше?

— Эх! — еще больше обрадовался Восклицательный Знак. — Это действительно чудесно!

Й они стали работать вместе. Получилась удивительная пара, и теперь кто ни встретит на бумаге Ноль с Восклицательным Знаком, обязательно воскликнет:

— О!

А больше ничего не скажет.

Разумеется, если на бумаге больше ничего не написано.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Когда ТЫСЯЧА явилась в предложение, все места уже были заняты. ТЫСЯЧА потопталась в нерешительности, а потом подошла к самому большому Слову, предполагая, что оно-то и есть здесь самое главное.

— Миллион извинений, — сказала ТЫСЯЧА. — Я отниму у вас не больше одной минуты.

— Пожалуйста, — любезно ответило Слово. — Слушаю вас.

— Помогите мне устроиться в предложении, — попросила ТЫСЯЧА. — Мне нужно немного, самую малость, только бы приткнуться где-нибудь с краешку.

— Чем же я могу вам помочь?

— О, ведь вы здесь — самое большое слово, самый главный член предложения!

— К сожалению, я не главный член, — сказало Слово с действительным сожалением. — Я всего лишь Деепричастие… Так сложились обстоятельства, ничего не по делаешь.

— А ваша величина? Неужели с ней никто не считается?

— Что величина! Вон видите самое короткое слово? А ведь это подлежащее!

— Так вот оно какое, подлежащее! — протянула ТЫСЯЧА, сразу теряя интерес к своему собеседнику. И направилась к подлежащему.

Подлежащее было занято срочной работой и поэтому не тратило лишних слов.

— Существительное, — коротко представилось оно ТЫСЯЧЕ. — А ваше имя?

— Числительное, — сказала ТЫСЯЧА и тут же добавила: — Можете называть меня просто ТЫСЯЧА. Так меня называют все знакомые.

И ТЫСЯЧА изложила свою просьбу.

— Право, не знаю, как вам помочь, — сказало Существительное. — Все вакансии у нас заняты… Разве что зачислить вас на должность служебного слова?

ТЫСЯЧА поморщилась.

— Нет, для этого дела я вряд ли подойду, — сказала она и, немного подумав, предложила: — А что, если меня зачислить вместо Деепричастия? Я займу гораздо меньше места…

Дело не в месте, — сказало Существительное. — Деепричастие прекрасно справляется с работой, а справитесь ли вы, я не уверено. Ведь я даже не знаю ваших качеств…

— Зачем вам качества? — прервала его ТЫСЯЧА, смелея. — У

меня есть количество — и этого до статочно.

— Количество? — переспросило Существительное. — Что ж, количество — это тоже неплохо. Знаете что? Я оставлю вас при себе. Это будет для вас самое подходящее место.

И ТЫСЯЧА осталась при Существительном.

Сначала оно пробовало давать ей разные мелкие поручения, но это ни к чему не привело. ТЫСЯЧА не только не подчинялась Существительному, но даже не хотела с ним согласоваться.

Понемногу она начала управлять Существительным, а затем и вовсе заняла его место, став первой частью подлежащего и оттеснив Существительное на второй план.

А Существительное даже не сопротивлялось. Больше того, оно уступило ТЫСЯЧЕ свой именительный падеж, а само удовлетворилось родительным.

Так оно склонилось перед ее количеством.

БЕЗЛИЧНЫЙ ГЛАГОЛ

Кто ни посмотрит на Безличный Глагол, сразу определит, что вид у него какой-то несовершенный. Но если обратиться за разъяснением к нему самому, он тотчас же ответит:

— Я лично считаю…

Безличный Глагол имеет право лично считать: ведь он главный член предложения. Когда началась кампания за сокращение предложенческого аппарата, он первый выразил готовность работать без Подлежащего. С тех пор Безличный Глагол — единственный главный член предложения, и слово его обязательно для всех: от Прямого Дополнения до последней Точки.

В штате у Безличного Глагола два Дополнения. Одно выполняет его прямые указания, другое — косвенные. Дополнения имеют при себе Определения, а те, в свою очередь, судя по Обстоятельствам, находящимся при них, тоже призваны играть не последнюю роль в предложении.

Но Безличный Глагол управляет всем единолично. Его не интересует коллективная мысль, он к ней совершенно не прислушивается. Второстепенные члены давно уже привыкли к самоуправству Безличного Глагола и даже не пытаются его критиковать. Косвенное Дополнение обычно высказывается по всевозможным отвлеченным вопросам, а Прямое, хоть и находит в себе смелость выражаться со всей прямотой, но как-то всегда получается, что оно больше дополняет главный член предложения, чем возражает ему. Что же касается других второстепенных членов, то Определения во всем согласны с Дополнениями, а Обстоятельства примыкают к Определениям.

Не изменяется Безличный Глагол, и ничего с ним не могут поделать. Еще бы! Он важная личность, он без Подлежащего работает!

КОРЕНЬ

Влаголе ВЫНУТЬ исчез Корень.

Все другие части слова остались на месте: и Приставка ВЫ, и Суффикс НУ, и даже Окончание ТЬ, известное своей неустойчивостью. А Корень — исчез.

Это был древний Корень ИМ, который веками существовал в самых различных словах нашего языка: ИМЕТЬ, СНИМАТЬ, ПОДНИМАТЬ и многих других. Сохранился он также в несовершенном виде глагола ВЫНИМАТЬ. И куда-то исчез при образовании совершенного вида.

— Странное усовершенствование! — язвило по этому поводу Окончание. — Чувствую, что скоро мне придется работать за всех.

— Вы не правы! — перебила его Приставка. — Может быть, с Корнем что-то случилось.

— Со всеми что-то случилось. Эти штучки нам известны. Но предупреждаю вас, на меня не рассчитывайте.

У меня и так работы хватает.

— Ну, ну, — примирительно сказал Суффикс. — Не нужно ссориться. Ясно одно: с этого времени мы должны обходиться без Корня.

— Мы должны его заменить, — предложила Приставка. — Я раньше обозначала только движение изнутри, — но теперь я возьму дополнительное обязательство.

— Я тоже, — сказал Суффикс. — Отныне я буду обозначать не только мгновенность действия. А ты, Окончание? Неужели ты останешься в стороне?

— А мне что, — пожало плечами Окончание. — Я здесь временно…

Но помощь Окончания не понадобилась. Приставка и Суффикс дружно взялись за дело и с успехом заменили Корень слова.

С первого взгляда даже не скажешь, что в слове ВЫНУТЬ нет Корня.

СКОБКИ

В конце предложения появился Вопросительный Знак. Но не успел он прочно занять снос место, как его окружили две Скобки.

— Не спрашивайте, не спрашивайте! — затараторили Скобки, сгибаясь дугой, что, конечно, должно было свидетельствовать об их глубоком уважении к Вопросительному Знаку.

— Почему же не спрашивать? — удивился Вопросительный Знак. — А если мне непонятно?

— А кому понятно? — спросили Скобки, но, тут же спохватившись, что они изменили своему правилу не спрашивать, сами ответили на свой вопрос: — Никому непонятно. Но никто не заявляет об этом публично.

— Я привык прямо ставить вопрос, если мне что-нибудь непонятно, — сказал Вопросительный Знак.

— Глупости! — возразили Скобки. — Мы знаем целые слова, которые легко могли бы стать членами предложения и прямо высказывать свое мнение. Но они на это не идут. Они становятся в скобки и так, между прочим, с места подают реплики.

— А как же быть мне? Ведь я должен задать вопрос…

— И задавайте себе на здоровье! Только проявляйте в этом вопросе больше сдержанности, больше достоинства. Вместо того, чтобы прямо спросить, — выразите сомнение. Тогда никто не подумает, что вы чего-то не знаете, а. наоборот, будут считать, что вы знаете больше других. Так всегда думают о тех, кто выражает сомнение.

Вопросительный Знак очень внимательно выслушал эти слова, но, очевидно, все же не сумел их как следует усвоить. Появляясь в тексте, он по-прежнему прямо ставит вопрос, нисколько не заботясь О том, что его обвинят в невежестве.

И только появляясь и тексте в окружении Скобок. Вопросительный Знак ведет себя иначе. То ли он дорожит их мнением, то ли просто жалеет эти Скобки, которые так почтительно склоняются к нему, — во всяком случае, в их окружении Вопросительный знак не задает вопросов.

Он только выражает сомнение, — и это действительно выглядит гораздо солидней, достойней и даже мудрей (?).

БЕГЛОЕ Е

Вызвали Е из алфавита. — Ну как у вас там? — Полный порядок. Все на местах, каждый работает над своей темой.

— А над какой темой вы работаете?

— «Некоторые проблемы шестого места как места, находящегося между пятым и седьмым». Тема трудная, но интересная.

— Придется вам на время ее оставить. Думаем на править вас в текст. Узнаете хоть живое слово, а то застоялись в своем алфавите.

— А в какое слово меня посылают?

— Слово хорошее: ДЕНЬ. Бодрое слово, светлое. И не очень сложное: всего один слог. Так что справитесь.

— Вы думаете?

— Конечно, справитесь. Вы там будете единственным гласным, и решающий голос будет ваш. Главное — хорошо организовать работу.

Е пробует возражать, ему не хочется расставаться с алфавитом, с «Некоторыми проблемами шестого места…», — но что поделаешь! Приходится отправляться в текст.

В слове ДЕНЬ Е стоит на видном месте, ему удобно, спокойно, совсем как в алфавите.

Но вот слово начинают склонять: ДНЯ, ДНЮ…

В чем дело? Куда девалось Е?

Нет его, оно сбежало. Испугалось косвенного падежа.

Вот какое это Е, всю жизнь проведшее в алфавите. В трудную минуту на него не рассчитывайте.

ЧАСТИЦЫ И СОЮЗЫ

Было. В предложении это единственное слово, которое состоит из двух слогов: БЫ и ЛО. Дружные слоги, тесно спаянные. Недаром в предложении им все завидуют.

Частица ЖЕ, стоящая неподалеку от них, особенно пристально наблюдала за этой счастливой парой. Однажды она сказала своему соседу, местоимению ТО:

— Я давно знаю эту частицу БЫ. Мы в грамматике стояли в одном параграфе. И вот — она уже устроила свою жизнь…

То-то! — ответило ТО. — Не надо зевать. Я вот сколько времени стою возле вас, а вы — ноль внимания. Будто я и не местоимение, а так, ни то ни се.

Частица ЖЕ придвинулась к нему поближе и сказала:

— Вы не обижайтесь. Просто я раньше не думала об этом. Пока не увидела эту БЫ. Она всегда была такой нерешительной, только и знала, что строила разные планы, и вот — подумайте!

— Чего там думать! — небрежно заметило ТО. — Надо действовать.

— А как действовать? — спросила ЖЕ, прекрасно понимая, о чем идет речь.

— Известно как — соединиться!

Частице ЖЕ неудобно было сразу ответить согласием, и, пользуясь ее молчанием, ТО продолжало: — Не забывайте, что я местоимение, я в любую минуту могу занять место существительного!.. А с вами мы составим прекрасный союз…

Частица ЖЕ придвинулась еще чуточку ближе, но — молчала.

— ТОЖЕ, — мечтательно произнесло ТО. — Чем плохой союз? Пишется слитно, даже не через черточку.

Дольше крепиться ЖЕ не могла.

— Я согласна! — закричала она, бросаясь к местоимению и забывая при этом не только грамматические правила, но и простейшие правила приличия. — Давайте соединяться! Ну скорее же, скорее!

Так в предложении появилась еще одна пара.

Поначалу этот союз был счастливым, хотя ТО очень скоро поняло, что теперь ему уже никогда не занять места существительного. Частица ЖЕ была тому явной помехой. Но ТО с удовольствием отказалось от своих честолюбивых планов, принеся их в жертву тихим семейным радостям. Что же касается его подруги, то о ней нечего и говорить.

— Вот теперь и мы ТОЖЕ! — заявляла она при каждом удобном случае, независимо поглядывая на слово БЫЛО.

Но счастью этому скоро пришел конец.

Дело в том, что после образования нового союза в предложении явно что-то нарушилось. Виной тому было слово ЧТО, которое стояло совсем рядом с ЖЕ, если не считать разделявшую их незначительную Запятую.

Теперь слово ЧТО оказалось единственным свободным словом во всем предложении. И ему, естественно, захотелось с кем-нибудь соединиться.

Сначала оно попыталось перетянуть к себе частицу БЫ. Но БЫ оказалась не частицей, а самым настоящим корнем слова.

— Если бы не ЛО, — отвечала она, — тогда другое дело. Я-то и в частицах не пропаду, а оно без меня — что значит?

— Но я хочу, чтобы…

— Нет, ЧТОБЫ меня не устраивает. У ЛО я, как видите, на первом месте, а у вас буду только на втором. И кроме того, учтите, что БЫЛО все-таки глагол, а не какой-нибудь союз ЧТОБЫ.

Что поделаешь? Пришлось отвергнутому ЧТО обратить свои взоры в другую сторону. Здесь его выслушали гораздо внимательнее. Частица ЖЕ сразу прикинула, что ЧТО-то же ТО, только с лишней буквой, и потянулась к своему соседу. Ее даже не смутила Запятая, которая все еще стояла между ними.

Узнав об измене, ТО сразу отделилось от частицы ЖЕ и вспомнило о том, что оно местоимение. Оно уже подыскивало в соседних строчках существительное, которое можно было бы заменить, и даже не вспоминало о своей бывшей частице.

А частица ЖЕ только обрадовалась этому. Она тянулась к своему соседу и настойчиво шептала:

— Ну, теперь я свободна, теперь мы можем соединиться! Ну что же ты?

— Я бы радо, — отвечало ей ЧТО, — да тут, видишь ли, Запятая…

Так и не удалось им соединиться.

И осталось в предложении — ТО ЖЕ, ЧТО БЫЛО.

ТРИ ТОЧКИ

Сошлись три Точки, разговорились.

— Как жизнь?

— Что нового?

— Да все то же!

У Точки, известно, жизнь точечная. О ней вспоминают только в самом конце, когда уже к предложению нечего добавить. А ведь как хочется попасть в незаконченное предложение, по-настоящему выразить себя!

— А что, если нам всем вместе попробовать? В отдельности каждая из нас, может, и немного значит, а втроем…

— И правда, попробовать?

— Только бы найти подходящее предложение.

Точки настораживаются и начинают следить за текстом. Это — законченное, это — законченное… Вот!

Точки бросаются в незаконченное предложение и как ни в чем не бывало становятся за последним словом.

Очередное Слово, которое уже готово было сорваться с пера, чтобы занять свое место в предложении, вдруг замечает Точку.

— Откуда вы взялись? Вы здесь не стояли!

— Нет, стояла!

— Вы не могли здесь стоять!

— Успокойтесь, пожалуйста! — вмешивается в разговор вторая Точка. — Она стоит лично за мной, а вот вас я что-то не видела.

— Но вы здесь тоже не стояли! — возмущается Слово, болтаясь на кончике пера.

— Она не стояла?! — изумляется третья Точка. — Придите в себя! Она же стоит за мной!

Слово видит, что точкам этим не будет конца, и, перебирая в уме все знакомые крепкие слова, отправляется обратно в чернильницу…

ОШИБКА

Никто не заметил, как она появилась в диктанте.

Жизнь текла спокойно и размеренно, ложась на страницу Строгими чернильными рядами. Существительные и прилагательные жили в полном согласии, дополнения безропотно подчинялись сказуемым, буква *Ы* держалась на почтительном расстоянии от шипящих.

И вдруг — Ошибка.

Первым ее заметило О. Оно широко раскрыло рот от удивления, толкнуло Йот, который оказался ближайшим его соседом, так, что у того шляпа подскочила на голове, и они вместе вскрикнули:

— Ой!

— Тише! — зашипели на них шипящие. — Чего шумите?

Но шипящим не пришлось объяснять, в чем дело. Они уже и сами перешептывались между собой:

— Ошибка! Ошибка! Ошибка!

Наконец. Ошибку заметили все. Твердый Знак подошел к ней и сказал:

— Извините, вы нарушаете правила.

— Какие еще правила? — не поняла Ошибка. — Я не знаю никаких правил.

— Правила следует знать! — строго объяснил Твердый Знак. — Без этого нельзя появляться в тетради.

Но тут случилась Запятая. Она сама чувствовала себя здесь не на месте, а потому сочла своим долгом вступиться за Ошибку.

— Оставьте ее, — сказала Запятая. — Разве вы забыли, что на ошибках учатся?

Ошибка ухватилась за эти слова:

— Да, да, учитесь на мне! — И вдруг заплакала: — Как я стану жить, если на мне не будут учиться?

— Пожалуй, — смягчился Твердый Знак, хотя мягкость в данном случае противоречила правилам грамматики. — Учиться никогда не мешает.

И все стали учиться на Ошибке.

— Скажите, — спрашивало у нее Дополнение, — вот я, например, подчиняюсь Сказуемому. Но, может, лучше подчиниться кому-нибудь другому?

— Это правда, что нельзя все отрицать? — осведомлялась Отрицательная Частица. — Мне-то все равно, я могу и утверждать, если буду знать, что именно это от меня требуется.

Ошибка не успевала всем отвечать, и тогда на помощь ей

пришли другие ошибки. Слова и знаки учились прилежно, старались изо всех сил.

И никак не могли понять — за что им поставили единицу?

Добро бы учиться было не на ком, а то — ошибок полным-полно… Но может, все-таки недостаточно?

ПОДСОЛНУХ

Маленькое Семечко подпрыгивало на ветру и кричало высокому Солнцу:

— Послушайте, послушайте! Вы можете на минутку опуститься на землю? У меня к вам важное дело, мне нужно с вами посоветоваться!

Важное дело есть важное дело, — это и Солнцу понятно. И вот оно опускается на землю, правда, медленно, не так, как хотелось бы нетерпеливому Семечку.

— Понимаете, — объясняет Семечко, не дожидаясь, пока Солнце приземлится. — я хочу стать таким, как вы. Только не знаю, что нужно для этого сделать. Способности у меня есть, это и специалисты подтверждают, но все остальное…

Солнце уже село на землю и внимательно слушало Семечко. А оно все бежало к нему и все говорило:

— Главное, что я не могу оторваться от земли. Если бы не земля, я бы уже давно…

Семечко не кончило этой мысли: Солнце вдруг ушло под землю.

Что делать Солнцу под землей? Может быть, там Семечко сможет досказать ему свое дело? И Семечко полезло под землю…

Трудно сказать, встретилось ли Семечко с Солнцем под землей, но вышло оно из-под земли совсем другим, на себя не похожим. Больше того: оно даже стало похоже на Солнце. Все, кто его видел, это сразу замечали.

Кто помог Семечку, кто ему дал совет: Солнце. Земля или Человек, часто навещавший его в поле, — неизвестно.

Может быть, Солнце — потому что и сейчас, став маленьким солнышком на длинной ножке, бывшее Семечко тянется за ним, поворачивает голову в его сторону.

А может быть, Земля — потому что бывшее Семечко крепко держится за нее, больше не хочет улетать на небо.

А может быть, — Человек. Человек вообще все может.

НОЛЬ

Надоела Нолю холостая жизнь.

«Так вот живешь и ничего не значишь, — подумал он. — Надо множиться!»

Стал Ноль искать, с кем бы помножиться. Выбирал, выбирал — все не по нраву. Единица слишком тоща. Тройка горбата. Семерка косо стоит, еле на ногах держится. Все Нолю не так, видно, высокие у него требования.

Наконец приглядел Восьмерку. Симпатичная Восьмерка, кругленькая, даже будто на Ноль похожа, только пouже в талии. Подкатился к ней Ноль с одной стороны, подкатился с другой, а потом — чего долго раздумывать! — пошел множиться.

Собрались Восьмеркины родственники. Все старые цифры, солидные. 88, 888, даже 88888, очень большая величина, и та пришла, не погнушалась. Только жених на родственников — ноль внимания. Что ему их многозначность? Он сам Ноль, не кто-нибудь!

— Ты, — говорит Ноль Восьмерке, — должна понимать, что такое семья. Как я сказал, так и все, без разговоров!

— Я постараюсь! — обещает Восьмерка.

Робкая, безответная она была, да и засиделась в восьмерках, только и мечтала, как бы помножиться. И вот — помножились.

Доволен Ноль. Важный такой стал, степенный. А Восьмерки при нем и не видно. Затер он ее, затер совсем, до того затер, что потом никто и сказать не мог, куда девалась Восьмерка.

Вот как это выглядело:

0X8-0.

И опять остался Ноль один.

— Не повезло мне с Восьмеркой, — оправдывается он перед ее родственниками. — Слишком уж она смирная была, ни в чем не перечила. С такой и жить неинтересно.

Стал Ноль искать себе другую пару. Нашел Пятерку — цифру тоже ничего. Правда, с Восьмеркой ее не сравнить, не те пропорции, но ведь теперь Нолю и выбирать-то особенно не приходится.

На этот раз Ноль повел себя иначе. «Ну его, это умножение! — подумал. — С этими домостроевскими обычаями, чего доброго, опять жену в гроб загонишь! Нет уж, лучше по-современному: записаться и жить».

Записались они с Пятеркой. Пятерка и Ноль. Хорошо получилось: 50. Пятерка выросла в десять раз, а Ноль — уж неизвестно во сколько. Семья все-таки много значит!

Доволен Ноль.

— Вот как, — говорит, — вышло. Ты простой Пятеркой была, а теперь кем стала?

— Да, теперь..

— Именно теперь! — не унимается Ноль. — Именно теперь, когда я взял тебя, когда ты со мной на равных правах.

— На равных… — эхом отзывается Пятерка.

— Может, скажешь, не на равных? Я тебя даже вперед пропустил, ты всегда впереди меня. Разве ты не чувствуешь этого?

— Чувствую…

— Ты как будто даже не рада?

Это были долгие разговоры. Сначала Пятерка терпела, думала: ну, поговорит Ноль на радостях и успокоится. Да не тут-то было. Чем дальше, тем Ноль больше распаляется. Зудит и зудит — нет спасения!

Чуть свет — уже начинает:

— Вспомни, кем ты была. Уже ночь, а он все еще:

— Не забудь, кем ты стала.

Не выдержала Пятерка.

— Лучше уж, — говорит, — я простой Пятеркой буду, чем так радоваться.

И ушла от Ноля.

Остался Ноль в одиночестве и не поймет: что случилось? Так хорошо жили, и вот — покинула его Пятерка. За что, скажите пожалуйста?

А ему, Нолю, теперь, как никогда, подруга нужна. Стар он стал, здоровье совсем сдало. Еле-еле нашел себе какую-то Двойку. Горбатенькая Двойка, кривая, но все-таки цифра!

Долго Поль соображал, долго прикидывал, как бы и на этот раз маху не дать. Выведал, с кем Двойка в задачнике встречалась, как вела себя в таблице умножения, какие у нее были плюсы и минусы. Узнал, что Двойка ведет дневник, в дневник заглянул. В дневнике тоже было все в порядке: двойка как двойка, к тому же по математике.

«Пора закругляться!» — решил Ноль. И сразу приступил к действию.

— Давайте соединимся!

— Ишь, старый хрыч! Если хочешь сложиться, так и говори, а нет — проваливай.

— Я сложусь, я сложусь, — заторопился Ноль. — Я всегда готов, ты не сомневайся!

Так и сложились они:

2 + 0.

Два плюс Ноль… А чему же равняется?

2 + 0 = 2

Вот и доигрался Ноль, домудрился. Нет Ноля. Конец ему пришел.

Даже мелкие цифры, которые всегда ниже Ноля стояли, и те не удержались:

— Ну и дурак был этот Ноль! Круглый дурак!

ТОЧКА НА ПЛОСКОСТИ

Не знала Точка ни забот, ни тревог, но пришло время и ей подумать о своем месте на плос-

кости.

— Я хочу стать центром окружности! — заявила Точка.

Что ж, по законам геометрии все точки равны и каждая из них может стать центром окружности. Для этого нужны только циркуль и карандаш, и ничего больше.

Но едва лишь к ней прикоснулся циркуль, Точка завопила:

— Ой! Больно! Ой! Что вы колетесь?!

— Но вы хотели стать центром окружности, — напомнил Циркуль.

— Не нужен мне ваш центр, не нужна мне ваша окружность, оставьте меня в покое!

Оставили Точку в покое. Но ненадолго. Должна же Точка занять какое-то место на плоскости!

— Я хочу стать вершиной угла, — заявила Точка на этот раз.

По законам геометрии вершиной угла тоже может стать каждая точка. Для этою на прямую, на которой она находится, достаточно опустить перпендикуляр.

Стали опускать на прямую перпендикуляр.

— Вы что, ослепли?! — закричала Точка при виде Перпендикуляра. — Вы падаете прямо на меня. Разве вам мало места на плоскости?

Растерялся Перпендикуляр, повис в воздухе.

— Погодите, дайте-ка мне, — сказала Секущая. — У меня эта Точка станет вершиной сразу четырех углов.

Но не тут-то было. При виде Секущей Точка прямо-таки забилась в истерике.

— Не секите меня! — рыдала она. — Я не привыкла, чтобы меня секли!

Что было с ней делать? Махнули на Точку рукой. Не стала она ни центром окружности, ни вершиной угла, а осталась простой точкой на простой прямой, параллельной тысячам других прямых.

ПРОСТАЯ ДРОБЬ

У Числителя и Знаменателя — вечные дрязги. Никак не поймешь, кто из них прав. Числитель толкует одно, а Знаменатель перетолковывает по-своему. Числитель говорит:

— У меня положение выше, почему же я меньше Знаменателя?

А Знаменатель свое:

— Я-то числом побольше, с какой же стати мне ниже Числителя стоять?

Поди рассуди их попробуй!

И ведь что вы думаете — была такая попытка. Целое Число, которому надоело это брюзжание, сказало им напрямик:

— Склочники несчастные, чего вы не поделили? В то время, когда у нас столько примеров, столько задач…

— Тебе, Целому, хорошо, — проворчал Знаменатель, и Числитель (в первый раз!) согласился с ним.

— Знаменательно! — воскликнул Числитель. — Знаменательно, что именно Целое Число делает нам замечание!

— А кто вам мешает стать Целым Числом? Сложитесь с какой-нибудь дробью.

— Ладно, обойдемся без ваших задач и примеров, — сказал Числитель, а Знаменатель, придвинувшись к Целому Числу, выразил эту мысль более категорически:

— Проваливай, пока цело!

Целое Число махнуло на них рукой и приступило к очередным задачам.

А Числитель и Знаменатель призадумались. Потом Числитель нагнулся, постучал в черточку:

— Послушайте, — говорит, — может, нам и впрямь с другой дробью сложиться?

— Э, шалишь, брат, — возразил Знаменатель, — хватит с меня и одного Числителя!

— Если уж на то пошло, — обиделся Числитель, — мне тоже одного Знаменателя предостаточно.

Еще подумали.

Потом Знаменатель стал на цыпочки, постучал в черточку:

— Слышь, ты! А если нам так стать Целым Числом, без другой дроби?

— Можно попробовать, — соглашается Числитель. Стали они пробовать. Числитель умножится на два, и Знаменатель — не отставать же! — тоже на два. Числитель на три — и Знаменатель на столько же.

Умножались, умножались, совсем изнемогли, а толку никакого. Та же дробь, ни больше ни меньше прежней.

— Стой! — кричит Знаменатель. — Хватит умножаться. Делиться давай. Так оно вернее будет.

Стали делиться.

Знаменатель на два — и Числитель на два. Знаменатель на три — и Числитель на столько же. А дробь — все прежняя.

БИССЕКТРИСА

Заспорили Стороны угла, никак между собой не поладят.

— Я, со своей стороны, считаю… — говорит одна Сторона.

— А я считаю, со своей стороны… — возражает ей другая.

Ничего не поделаешь: хоть у них и общий угол зрения, но смотрят-то они на мир с разных сторон!

Проходила как-то между ними Биссектриса. Обрадовались Стороны: вот кто будет их посредником! Спрашивают Биссектрису:

— А вы как думаете?

— А ваше мнение каково?

Стоит посредник посрединке, колеблется.

— Ну скажите же, скажите! — тормошат Биссектрису со всех сторон.

— Я думаю, вы совершенно правы, — наконец произносит Биссектриса, кивая в правую сторону.

— Ах, какая вы умница! — восхищается правая Сторона. — Как вы сразу все поняли!

А Биссектриса между тем поворачивается к левой Стороне:

— Ваша правда, я тоже всегда так думала.

Левая Сторона в восторге:

— Вот что значит Биссектриса! Сразу сообразила, что к чему!

Стоит Биссектриса и знай раскланивается: в одну сторону кивнет — мол, правильно, в другую сторону кивнет — мол, совершенно верно. Мнение Биссектрисы ценится очень высоко, поскольку оно устраивает обе стороны.

УРАВНЕНИЕ С ОДНИМ НЕИЗВЕСТНЫМ

Разные числа — большие и малые, целые и дробные, положительные и отрицательные — впервые встретились в уравнении.

Они любезно, хотя и сдержанно, обменялись приветствиями, а затем стали знакомиться.

— Четверка.

— Очень приятно. Двойка.

— Тройка.

— И я Тройка. Значит, тезки!

— Одна Четвертая…

— Две Четвертых…

— Три Четвертых…

Очень быстро все перезнакомились. Только одно число не назвало себя.

— А вас как зовут? — стали спрашивать у него числа.

— Не могу сказать! — важно ответило это число. — У меня есть причины…

— Ах, подумайте, какие загадки! — затараторила Одна Девятая. — Как можно жить в обществе и совсем не считаться с его мнением!

— Спокойно, спокойно, — вмешался Знак Равенства, самый справедливый знак во всем задачнике. — Все выяснится в свое время. А пока пусть это число остается неизвестным. Мы назовем его Иксом. Что поделаешь, будет у нас уравнение с одним неизвестным.

Все числа согласились со Знаком Равенства, но теперь они вели себя еще сдержанней, чем даже во время знакомства. Кто его знает, что за величина этот Икс? Здесь нужно быть осторожным.

Некоторые попытались заискивать перед. Иксом, по он так важно себя держал, что даже у дробей отпала охота добиваться его расположения.

— Ну нет, — прошептала Двойка Четверке. — Ты как хочешь, а я перебираюсь в другую сторону уравнения. Пусть я буду там с отрицательным знаком, но зато не буду видеть этой персоны.

— И я тоже, — сказала Четверка и вслед за Двойкой перебралась в другую сторону уравнения. За ними последовали две тезки — Тройки, а потом и дроби — Одна Четвертая, Две Четвертых, Три Четвертых — и все остальные числа.

Икс остался один. Впрочем, это его не встревожило. Он

решил, что числа просто не хотят его стеснять.

Но числа решили по-другому. Они сложились, перемножились и поделились, а когда все необходимые действия были произведены, Икс ни для кого уже не был загадкой. Он оказался мнимой величиной, такие тоже встречаются в математике.

То-то он так мнил о себе, этот Икс!

ТРЕУГОЛЬНИК

Задумал Угол треугольником стать. Нашел подходящую Прямую линию, взял ее с двух сторон за две точки — и вот вам, пожалуйста, чем не треугольник?

Но Прямая оказалась строгой линией. Сдерживает она угол, ограничивает. Теперь ему не та свобода, что прежде.

А вокруг, как назло, ломаные линии вертятся, выламываются:

— Ну как ты, Угол, со своей Прямой? Ладите?

Что им ответишь? Молчит Угол. Молчит, а сам думает: «Зря я такую прямую линию взял. Ломаные куда удобней!»

За этой мыслью пришла и другая: «А вообще-то, чем я рискую? Можно такую ломаную найти, что она с моей прямой и не пересечется».

Такая ломаная линия быстро сыскалась. Соединил ею Угол те же две точки, что и Прямая соединяла, и — доволен.

Потом еще одной ломаной обзавелся, потом еще одной. А Прямая верит Углу, ни о чем не догадывается.

Но вот ломаные линии, как набралось их много; стали между собой пересекаться. Так закрутили Угол, так завертели, что его среди них и не видать.

Еле выпутался бедняга.

«Хватит, — решил, — возиться с этими ломаками. Лучше уж прямой линии держаться».

И опять остался Угол со своей Прямой. Дружно живут. Хороший треугольник.

Оно и понятно: через две точки, как свидетельствует геометрия, можно провести только одну прямую.

А ломаных — сколько угодно.

ПРОИЗВЕДЕНИЕ

— Смотрите, — говорят соседям, — это наше произведение. Ну, каково? Двузначное число, не то что мы, однозначные.

А произведение и не смотрит на сомножителей. Воротит нос, боится, как бы знакомые сотни чего не подумали. Как-никак сомножители — однозначные числа, стыдно произведению иметь такую родню.

— Произведение ты наше единственное, погляди на нас, хоть словечко молви!

Куда там! До того ли сейчас произведению! Произведение давно забыло, кто его произвел на свет. Теперь произведению с самой Тысячей помножиться в пору!

ФИГУРА

Прибежала Трапеция к Окружности.

— Ох, ты даже себе не можешь, не можешь представить! Сверху плоско, снизу выпукло, а о боках нечего и говорить!

— Что плоско? Что выпукло? Ты объяснишь толком?

— Вот послушай, — стала объяснять Трапеция. — Появилась у нас в учебнике новая фигура. Откуда она взялась, никто не знает. Может, ее кто нарисовал так, для смеха…

— Что же это за фигура?

— Как, ты еще не поняла? Ну пошли, сама посмотришь.

Пошли они смотреть на Фигуру. А там уже, такое творится! Треугольники, Квадраты, Параллелограммы… А в центре эта самая Фигура красуется…

При виде ее Окружность так и покатилась со смеху, но не успела откатиться особенно далеко — остановилась, призадумалась.

— Ты знаешь, — сказала она Трапеции, — в ней что-то есть. Вот эта линия, обрати внимание. Она выглядит вполне Современно.

— Пожалуй, — согласилась Трапеция. — А поверхность? Видишь, какая у нее поверхность? У нас все слишком плоско…

— Да, мы привыкли к симметрии, — вздохнула Окружность. — А кому теперь нужна симметрия?

Подоспели и другие геометрические фигуры. Они с восхищением глядели на незнакомую Фигуру и в один голос вздыхали:

— Как это асимметрично!

И вот — Фигуры давно уже нет, а поглядите, что делается в учебнике. Ни одной геометрической фигуры невозможно узнать.

Все они на одно лицо: сверху плоско, снизу выпукло, а о боках нечего и говорить.

Мода, ничего не поделаешь.

Закон моды!

Вопреки всем известным законам геометрии.

ЗНАКИ

Стоит Пятерка в задачнике, что-то тихонько подсчитывает. Вокруг много знакомых цифр, они то и дело окликают Пятерку, справляются о здоровье, желают всего наилучшего. И вдруг:

— Стой! Отдай половину! Пятерка растерялась.

— Я стою, — забормотала она, — но почему вы так со мной разговариваете?

— А как с тобой разговаривать? Сказано, гони трояк, и баста! Или не узнала меня? Я — Минус!

Пятерка попятилась в ужасе. Она много слыхала об отчаянном и жестоком Минусе, атамане разбойников, которые держали в страхе весь задачник.

— Ну давай, а то отниму! — сказал атаман, свирепо шевеля усами. Но Пятерка от испуга не могла двинуться.

Тогда Минус отнял у нее три единицы и пошел себе как ни в чем не бывало. Он шел и пел свою атаманскую песню.

Я считаю
— Нечего считать,
Я предпочитаю
Вы-чи-тать!

— Эге, да ты, я вижу, с прибытком! — вдруг окликнули его. — Ну-ка, что там у тебя, выкладывай!

Бравый атаман разбойников сразу узнал этот голос. Он съежился и хотел проскочить мимо, но его бесцеремонно взяли за шиворот.

— Ты никак спешишь? — ласково спросил толстый Плюс, для верности дав Минусу по загривку. Известный в задачнике коммерсант и делец, Плюс сам ни у кого ничего не отнимал, он только складывал то, что отнимал Минус.

— Да нет, куда мне спешить, — стал оправдываться Минус. — Просто не заметил вас, извините.

— Ладно! — сказал Плюс. — Давай, сколько там у тебя?

Он взял три единицы, отнятые Минусом у Пятерки, отпустил атамана на все четыре стороны и пошел себе, напевая:

Я не сплю и не лежу,
Я за цифрами слежу,
Все они у меня в услужении.
Все, что хочешь, я сложу,

Я ничем не дорожу,
Потому что я служу
Сложению.

Потом он остановился, чтобы прибавить новый заработок к прежней сумме, но ему помешали.

— Рад вас приветствовать! — сказал, подходя к нему, Знак Деления. — Кажется, у вас есть что разделить?

— Какое там есть! — несмело запротестовал Плюс. — Жалкие три единицы.

— Всякое деление благо, — сказал Знак Деления. — Делитесь и умножайтесь, как сказано в чистописании, то бишь в арифметике.

— Но нас двое, — все еще сопротивлялся Плюс, — а три на два не делится.

— Не печальтесь, поделим. Дайте-ка сюда эту троицу.

Он взял три единицы и удалился, оставив Плюс в полном недоумении, каким же образом тройка делится на два.

Мать-и-матика!

— тянул Знак Деления, уходя.

— Мать-и-ма…

— У вас отличное настроение! — сухо сказал ему Знак Умножения.

— О, я счастлив вас… — начал Знак Деления, но Знак Умножения его не слушал.

— Тут ко мне приходила Двойка, — продолжал он, — Она была Пятеркой, но ее ограбили. Позаботьтесь о ней, это по вашей части. И, кроме того, у вас что-то есть ко мне?

— Да так, ничего особенного, — замялся Знак Деления. — Пустяк… три единицы.

— Давайте их сюда, — сказал Знак Умножения.

И затянул свою песенку:

Богатство нужно так нажить,
Чтоб никого не потревожить,
Умножить — значит умно жить,
А умно жить — умножить!

И, пряча полученные три единицы, крикнул вдогонку Знаку Деления;

— Так не забудьте об этой Пятерке! О той, которую ограбили!

ВЕЛИЧИНА

Позавидовала Единица Десятке: «Конечно, с такой кругленькой суммой, как этот ноль, я бы тоже кое-что значила!»

Поэтому, когда Единице удалось наконец, обзавестись нолем, она не поставила его сзади себя, как Десятка, а выставила наперед — пусть, мол, все видят!

Получилось очень внушительно:

0,1.

Потом какими-то способами Единица добыла еще один ноль. И тоже выставила его наперед. Глядите, дескать, какие мы:

0,01.

Единица стала входить во вкус. Она только и думала, как бы скопить побольше нолей, и после долгих стараний ей удалось собрать их в большом количестве.

Теперь Единицу не узнать. Она стала важной, значительной. Куда до нее какой-то Десятке!

Теперь Единица выглядит так:

0,00000000001.

Вот какой величиной стала Единица!

КОСТЕР В ЛЕСУ

Костер угасал.

В нем едва теплилась жизнь, он чувствовал, что не пройдет и часа, как от него останется горка пепла — и ничего больше. Маленькая горка пепла среди огромного дремучего леса.

Костер слабо потрескивал, взывая о помощи. Красный язычок лихорадочно облизывал почерневшие угли, и Ручей, пробегавший мимо, счел нужным осведомиться:

— Вам — воды?

Костер зашипел от бессильной злости. Ему не хватало только воды в его положении! Очевидно, поняв неуместность своего вопроса, Ручей прожурчал какие-то извинения и заспешил прочь.

И тогда над угасающим Костром склонились кусты. Не говоря ни слова, они протянули ему свои ветки.

Костер жадно ухватился за ветки, и — произошло чудо. Огонь, который, казалось, совсем в нем угас, вспыхнул с новой силой.

Вот что значит для костра протянутая вовремя ветка помощи!

Костер поднялся, опершись на кусты, встал во весь рост, и оказалось, что он совсем не такой уж маленький. Кусты затрещали под ним и потонули в пламени. Их некому было спасать. А Костер уже рвался вверх. Он стал таким высоким и ярким, что даже деревья потянулись к нему: одни — восхищенные его красотой, другие — просто, чтобы погреть руки.

Дальние деревья завидовали тем, которые оказались возле Костра, и сами мечтали, как бы к нему приблизиться.

— Костер! Костер! Наш Костер! — шумели дальние деревья. — Он согревает нас, он озаряет нашу жизнь!

А ближние деревья трещали еще громче. Но не от восхищения, а оттого, что Костер пожирал их своим пламенем, подминал под себя, чтобы подняться еще выше. Кто из них мог противиться дикой мощи гигантского Костра в лесу?

Но нашлась все-таки сила, которая погасила Костер. Ударила гроза, и деревья роняли тяжелые слезы — слезы по Костру, к которому привыкли и который угас, не успев их сожрать.

И только позже, гораздо позже, когда высохли слезы, деревья разглядели огромное черное пепелище на том месте, где бушевал Костер.

Нет, не Костер — Пожар. Лесной пожар. Страшное стихийное бедствие.

ГРОМ И МОЛНИЯ

Грому — что, Гром не боится Молнии. Правда, с глазу на глаз переговорить с ней у него все как-то не получается. Больно уж горяча эта Молния: как вспыхнет!

В это время Гром и носа на свет белый не показывает. Ни видать его, ни слыхать. Но зато как заметит, что Молнии нет на горизонте, — тут уж его не удержишь.

— До каких пор, — гремит, — терпеть все это?! Да я за такое дело!..

Так разойдется, так разбушуется — только послушайте его! Уж он не смолчит, уж он выложит все, так и знайте!

…Жаль, что Молния слышать его не может.

РАБОТА

Стул забрался на стол с ногами и рассеянно наблюдал, как Щетка растирала мастику, стараясь довести пол до блеска. Потом ему захотелось поговорить.

— Трудная работа? — участливо спросил он и сам себе ответил: — Черная работа — она всегда трудная. Образование-то у нас, небось, никудышнее?

— Среднее техническое, — скромно ответила Щетка.

— Среднее образование? — изумился Стул. — И вы не могли найти более подходящую работу? Что-нибудь такое, умственное?..

Щетка посмотрела на Стул, который важно восседал на письменном столе, и сказала:

— Не всем же быть начальниками.

Стул выгнул спинку, минуту помолчал и проронил:

— Да, не всем… Но вы заходите… Я постараюсь что-нибудь для вас сделать.

На следующий день Щетка вымылась, причесалась и пришла в канцелярию Стула устраиваться на работу. Она подошла к столу, на котором он вчера восседал, но Стула там не оказалось. За столом сидел человек и что-то быстро писал.

Щетка обошла вокруг стола и вдруг заметила Стул. Он стоял под человеком, крепко упершись в пол четырьмя ногами, и, казалось, целиком ушел в работу. Щетка хотела окликнуть его, но в это время человек сердито заерзал, очевидно, делая Стулу замечание, потому что Стул что-то проскрипел, словно оправдываясь.

И Щетка поспешила убраться из комнаты. Стул сейчас занят. Стулу нельзя мешать, у Стула серьезная, срочная работа.

Умственная работа!

О ТРЕНИИ

Носок оказался нелегким участком работы, и все нитки были натянуты до предела. С одной стороны на них ботинок жмет, с другой — нога нажимает. Попробуйте поработать в таких условиях, попробуйте не допустить прорыва! Но нитки тесно сплелись между собой, крепко держались друг за дружку. И вдруг — Дырка.

Совсем незнакомая Дырка, прежде таких дырок здесь не встречалось.

— Что — тянетесь? — крикнула Дырка, разинув пасть, что должно было означать улыбку. — Тянитесь, тянитесь, может, и вытянетесь прежде времени!

— Почему ты смеешься? — удивились Нитки. — Разве тебе никогда не приходилось работать?

— Работать? Мне? — еще шире улыбнулась Дырка. — Да вы, я вижу, меня совсем за дуру считаете. Не-ет, ребятки, это вы работайте, а я и без работы не соскучусь. — Так сказала Дырка и — показала ногу.

Это был до того неприличный жест, что нитки просто опешила.

— Как вы себя держите! — укоризненно заметила одна из них. — Где вы воспитывались?

— В самом лучшем обществе, — ответила Дырка. — Разве это не видно по мне? Разве у меня не достаточно изысканные манеры? — И — опять показала ногу.

Стали Нитки совестить Дырку, стала наставлять на путь истинный. Ничего не получается! Нитки, которые были поближе к ней, прямо надорвались, ее уговаривай, а Дырка ничего, даже больше от этого стала. Так разошлась, что всю пятку заняла, вверх по носку потянулась.

Пришлось вызвать Штопальную Иглу. Та прибыла с тол с толстым клубком штопальных ниток и грибком — чтобы растянуть на нем носок и хорошенько разобраться, в чем дело.

Но разбираться-то особенно было нечего. Дырка — дырка и есть, и с какой стороны на нее ни смотри, все равно дырка.

Штопальная Игла даже не стала разговаривать с ней, а так — один стежок, другой стежок, — и все. Дырка сидит за решеткой. Крепкая решетка, надежная, из толстых штопальных ниток. Уж теперь-то Дырка не разойдется, как прежде, уж теперь она ногу не покажет.

Какую там ногу! И самой-то Дырки не видно совсем, будто ее и не было.

ВНУТРЕННЕЕ СГОРАНИЕ

Слышите? Вы слышите, о чем шепчутся травм? Они вспоминают о Маленьком Угольке, который принес им счастье.

Когда-то здесь была грязная свалка. Только Объедки да Огрызки были счастливы в ней. Трава и цветы никли и гибли от смрада. Казалось, некому о них подумать, некому их снасти. И вот тогда-то и пришел на свалку маленький рыжий Уголек.

Он увидел погибающие растения и сразу загорелся. Гнев и любовь, жалость и ненависть — вес это, соединившись, создало прекрасное, сильное пламя, которого хватило бы не на одну свалку. Но одиночество — плохой помощник. «Пойду-ка я, поищу себе товарищей, — подумал Уголек и отправился в путь.

Не успел он сделать и нескольких шагов, как увидел первого жителя этих мест. Пятна грязи и копоти не могли скрыть чистоты и благородства, которые светились во всем облике незнакомца.

— Как тебя зовут? — спросил Уголек.

— Меня зовут Чистый Листик, сын Белой Бумаги, — ответил незнакомец. — Вот уже много дней пытаюсь я вырваться из этой грязи и нищеты — но все напрасно. Здесь властвуют грубые и жестокие Объедки, с которыми трудно бороться.

— Пойдем вместе, — предложил ему Уголек. — Я уверен, что вдвоем-то нам удастся справиться с Объедками.

Чистый Листик немного смутился.

— Понимаешь, Уголек, — замялся он, — я бы пошел с тобой без разговоров, но у меня… у меня…

— Что у тебя?

— У меня семья, — сказал Чистый Листик, потому что он был очень чистый и не умел ничего скрывать. — Я только недавно женился…

— Да, семья — это такое дело, — согласился Уголек. — С этим стоит считаться.

— Но что же делать? — вслух раздумывал Чистый Листик. — Жить среди этих Объедков, да еще с семьей, просто невыносимо… А что если, — вдруг предложил он, — что если я жену прихвачу? Она у меня крепкая, выдержит.

— Трудно ей будет, — усомнился Уголек. — Но если выдержит — бери. Втроем — это даже сподручней.

Чистый Листик быстро слетал за своей женой.

— Вот это — Уголек, — познакомил он их, — а вот это — Щепочка.

Уголек посмотрел па маленькую, худенькую Щелочку и на всякий случай предупредил:

— Мы идем на трудное дело. Неизвестно, вернемся ли назад. Не испугаетесь?

Щепочка прижалась к своему Чистому Листику и прошептала:

— Не испугаюсь.

И началась упорная, тяжелая борьба. Объедки не сдавались. Их поддерживали Огрызки, и даже старое, гнилое Полено, в котором когда-то тлело что-то справедливое, тоже выступило на стороне правителей — Объедков.

Но маленький Уголек сумел так зажечь своих товарищей, что в конце концов вся грязь, наполнявшая свалку, была уничтожена. На месте бывшей свалки поднялась высокая, стройная трава, зацвели чудесные цветы.

…Слышите? Вы слышите, о чем шепчутся травы?

Они говорят о том, как приятно дышать полной грудью, как хорошо не знать власти хищных Объедков. Они говорят о том, что в мире осталось еще немало грязи, что ни в коем случае нельзя допустить ее сюда, в светлую страну счастья, за освобождение которой погибли маленький Уголек, Чистый Листик и Щепочка.

ИСТОЧНИК ЗВУКА

Много лет провели вместе Смычок и Скрипка, и все любовались ими.

— Чудесная пара! — гудел Контрабас.

— И живут-то как! — добавлял Рояль. — Дружно, сыгранно.

Все было хорошо, но вдруг…

Старый Смычок решил, что Скрипка ему не пара. «У нее слишком узкая талия», — подумал он и отправился искать себе другую подругу.

— Какая вы очаровательная, — обратился он к первой встречной Гармони. — Не согласитесь ли вы быть моей Скрипкой?

Гармонь только посмеялась в ответ: к чему ей Смычок?

«Вот с кем можно связать жизнь», — подумал Смычок, увидев Флейту.

Но и Флейта не захотела быть его Скрипкой.

Все отвергали предложение Смычка. Даже старая, всеми забытая Труба — и та от него отвернулась. Только легкомысленная Балалайка с радостью приняла его, и они зажили вместе.

Однако ничего путного из этой жизни не вышло. Балалайка привыкла обходиться без Смычка и теперь без него обходилась: бренчала в свое удовольствие. А Смычок переживал, переживал, да и пошел на все четыре стороны, как ему посоветовала Балалайка.

Теперь Смычок уже не мечтает о Скрипке. Постарел он, сдал. И когда встретит на улице что-нибудь струнное — сгорбится, проскользнет мимо и — ни звука.

ГРОЗА

Как только в небе загремело и засверкало, дождевые капельки в панике ринулись на землю. Они были так перепуганы, что, даже приземлившись, продолжали бежать по канавам и сточным желобам, выискивая самые спокойные, укромные местечки. Трудно было поверить, что эти грязные дождевые капельки еще недавно питали в облаках и даже закрывали собой солнце.

Успокоились дождинки лишь тогда, когда окончательно сели в свою лужу. И сначала с опаской, а потом все смелей они стали поглядывать на покинутое небо, которое теперь прояснилось, посвежело и переливалось всеми цветами радуги.

— Откуда она взялась? — недоумевали дождинки, глядя на Радугу. — Ее раньше не было, это мы хорошо видели!

— Счастливая! — завидовали другие. — Мы здесь в луже сидим, а она заняла все небо. Наше небо…

— Стоило ради этого перенести грозу…

— Подумаешь — гроза!

— Велика важность!

— В другой раз и мы будем умнее!

Так говорили дождинки, глядя на Радугу, рожденную грозой. А она сверкала, смеялась, но не над ними, а так, вообще. Разве можно смеяться над маленькими глупыми дождинками?

БЕЛАЯ ТУЧКА

В топке была жаркая работа, и Дым после смены захотел немного проветриться. Он вышел из трубы, подумывая, чем бы таким заняться, но, не найдя ничего лучшего, решил просто подышать свежим воздухом. «Оно и приятно, — размышлял Дым, — и полезно. Врачи, во всяком случае, советуют…»

Дым уже начал было дышать — спокойно, размеренно, по всем правилам медицины, — но вдруг что-то сдавило ему дыхание. Даже посторонний наблюдатель сразу бы заметил, что с Дымом происходит неладное: он словно замер на месте и неотрывно смотрел в одну точку… Собственно говоря, это была не точка, а тучка, маленькая белая тучка на ясном весеннем небе.

Она была очень красива, эта Тучка, кудрявая и пушистая, в голубой небесной шали и ожерелье из солнечных лучей. Так что нечего удивляться, что Дым на нее загляделся.

Говорят, нет дыма без огня, и наш Дым вовсе не был исключением из общего правила. При виде Тучки он почувствовал в себе огонь и — устремился к ней.

— А вот и я! — выпалил Дым с бухты-барахты, примчавшись к Тучке и глядя на нее во все глаза. — Хотите со мной познакомиться? Тучка поморщилась.

— Вы что — пьяны? — спросила она. — Что вы ко мне пристаете?

Дым смутился.

— Я не пристаю, — пробормотал он. — И я вовсе не пьян. Просто… хотел… познакомиться.

У Дыма был очень растерянный вид, и это немножко успокоило Тучку.

— Поглядите на себя, на кого вы похожи, — сказала она. — Разве в таком виде представляются даме?

Дым послушно посмотрел на себя. Да, Тучка была права: грязный, растрепанный, весь в саже и копоти, Дым не производил благоприятного впечатления.

— Извините, — прошептал он. — Я только что со смены. У нас на заводе…

Вероятно, Дым все же сказал бы, что там было у них на заводе, но тут появился Ветер. Если бы он Просто появился! Нет, он сразу же бросился к Тучке, схватил ее довольно бесцеремонно и поволок. А Тучка прижалась к нему, словно только его и ждала все это время.

И тогда Дым начал таять. Он таял буквально на глазах, и если бы Тучка была повнимательней, она бы, конечно, это

заметила.

Но она не была внимательной, эта белая Тучка. Она привыкла парить в небесах, и какое ей было дело до Дыма с его заводом, с его будничными заботами?.. Она прижималась к Ветру и уже совсем забыла о Дыме.

А Дым все таял и таял. И вот уже он исчез, как дым, — то есть, как и всякий другой дым исчез бы на его месте.

И только теперь Тучка о нем пожалела. Только теперь она почувствовала, что свежесть Ветра — еще не все, что он слишком резок и вообще у него ветер в голове.

Дым был другим. Он был серьезней и мягче, он смущался, робел, он хотел что-то рассказать Тучке о своем заводе… Теперь Тучка никогда не узнает, что он хотел ей рассказать.

От одной этой мысли можно было расплакаться. И Тучка заплакала. Она плакала горько и тяжело, плакала до тех пор, пока всю себя не выплакала.

ВРЕМЯ

— Вы не скажете, который час? — спросил Стевиц.

Камень что-то буркнул в ответ.

Уже давно был преодолен барьер, отделявший неорганическую материю от органической, когда они обвиняли друг друга в отсутствии жизни. Каждый видит только свою жизнь, а чужой жизни не хочет замечать.

— Простите, я не расслышал, — вежливо переспросил Стевиц.

— Одну минуту! — камень снова ушел в себя. Он так глубоко уходил в себя, что на возвращение оттуда требовались тысячелетия.

Стевиц знал, что такое его минута, а потому не стал ждать. В том-то и состояла главная трудность общения органического и неорганического миров: один не хотел ждать, а другой не привык торопиться.

Правнук Стевица родился, женился и прожил долгую, счастливую жизнь. И правнук правнука родился, женился и прожил долгую, счастливую жизнь.

А камень продолжал размышлять, чтобы сказать Стевицу точное время.